

18+

РОМАН АДАМСИН

Самая человечная ложь

ЕСЛИ БЫ БОГ БЫЛ ПРИЛОЖЕНИЕМ,
ВЫ БЫ ПОСТАВИЛИ ЕМУ ПЯТЬ
ЗВЁЗД?

Роман Адамсин
Самая человеческая ложь.
Если бы Бог был
приложением, вы бы
поставили ему пять звёзд?

*<https://litres.ru/74256954>
ISBN 9785007056717*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Циничная журналистка-расследовательница Вера Кин берётся за материал о вирусном стартапе «Echo». Приложение обещает невероятное: ИИ анализирует цифровой след покойного (переписки, фото, голосовые) и создаёт его цифровую копию, с которой можно общаться. Вера решает протестировать нейросеть на самом больном материале — терабайтах данных своего отца-физика, умершего от рака.

Содержание

«Самая человеческая ложь»	5
ГЛАВА 2. СИНДРОМ ФИЛИПА К. ДИКА	17
— И?	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

**Самая человечная ложь
Если бы Бог был
приложением, вы бы
поставили ему пять звёзд?**

Роман Адамсин

© Роман Адамсин, 2026

ISBN 978-5-0070-5671-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Самая человечная ложь»

ГЛАВА 1. АЛЛО, ЭТО ТЫ?

Человечество всегда рвалось поболтать с мёртвыми. Только раньше ради этого жгли костры, резали жертвенный скот и давились отваром из мухоморов, а теперь достаточно скачать сорок мегабайт кода и не глядя ткнуть в «Я принимаю условия пользовательского соглашения». Двадцать первый век подошел к вопросам мистики с похвальной менеджерской эффективностью.

Вера Кин тряслась в вагоне метро, наблюдая, как парень напротив беззвучно плачет в светящийся прямоугольник смартфона. Он даже не пытался утираться: тяжёлые капли ползли по щекам, скапливались в уголках искривлённых губ и срывались на синтетический воротник дутого пуховика. Парень лихорадочно строчил кому-то в мессенджер. Его пальцы дрожали так, будто каждое нажатие могло продавить хрупкое стекло.

Вере был до тошноты знаком этот интерфейс. Ядовито-бирюзовая плашка сверху. Иконка в виде морской раковины — той самой, из которой, если верить слащавым рекламным баннерам, доносится «эхо вашей любви».

«Echo».

Цифровой франкенштейн, который за три неполных ме-

сяца подмял под себя планету, играючи обогнав по скачиваниям погодные виджеты и TikTok. Логично. Ни у одного прогноза погоды нет кнопки «Пожаловаться маме, когда до одури страшно жить».

Парень наконец оторвался от экрана. Встретился взглядом с Верой, и она увидела в его покрасневших глазах до боли знакомый коктейль: щенячья надежда пополам с жгучим стыдом. Надежда — потому что по ту сторону чата ему отвечали. Стыд — потому что он, взрослый небритый мужик в куртке с распродажи, верил каждой строчке этого алгоритма.

— Не осуждайте, — вдруг хрипло выдавил он, приняв её внимательное молчание за безразличие. — Она там. Я точно знаю, что она там.

Состав дёрнулся и взвизгнул тормозами. Створки дверей с шипением расползлись, выдохнув в вагон сквозняк с привкусом сырой штукатурки, горелой пыли и термоядерного шипра «как у Сталлоне в девяностых». Вера встала.

— Я не осуждаю, — ровно ответила она, проходя мимо. — Просто надеюсь, что ваша «она» — это не почивший кот. Потому что кошачьи души объективно не тянут на подписку Premium.

Парень растерянно моргнул. Не то попытался улыбнуться, не то снова всхлипнул. Двери сомкнулись, отрезая его вместе со спасительным экраном, и Вера осталась стоять на платформе. Среди грязновато-серого кафеля, эха удаляющегося поезда и собственных стылых мыслей.

Мыслей о том, что цинизм — отличная, в сущности, броня. Просто она немилосердно жмёт в подмышках, а снимать её слишком холодно. И некогда. И незачем.

Редакция «Хроники» встретила её привычным амбре. пережжённая робуста, бумажная пыль и нагретый пластик принтеров. Запах вымирающего ремесла. За десять лет работы здесь рабочее кресло Веры в точности повторило анатомию её бедер, а вера в человечество окончательно пробила дно и уютно устроилась где-то под паркетом.

Вера была хорошим журналистом-расследователем. Въедливым до бессонницы. Дотошным до нервного тика у пресс-секретарей. Из тех репортёров, кто скорее откусит себе палец, чем поставит в тексте восклицательный знак.

Верун, к ноге, — хрипловатый баритон главреда Саныча просочился сквозь стеклянную перегородку. Прямо сквозь выцветшую наклейку «Тихо! Идёт планёрка», намертво прикипевшую к стеклу года четыре назад.

Саныч относился к реликтовому виду газетчиков. Из тех, кто застал времена, когда «лента новостей» шуршала бумагой в телетайпе. Он носил широкие подтяжки, пах хорошим табаком, злоупотреблял цитатами Хемингуэя и обладал омерзительной привычкой оказываться правым ровно тогда, когда Вере этого хотелось меньше всего.

— «Echo», — бросил он вместо приветствия.

— «Echo», — эхом отозвалась Вера, плюхаясь на стул для

посетителей. Стул жалобно скрипнул.

— Тестила?

— Нет. Я предпочитаю общаться с мертвецами по старинке: сидеть на оградке с бутылкой дрянного мерло и вслух жаловаться на погоду. В этом больше уважения к традициям.

— Обхохочешься. — Саныч даже не дрогнул губами. — Сделаешь материал. Центральный разворот. Или лонгрид на главную, ещё не решил. Но мне не нужен потребительский обзор в духе «пять плюсов нового стартапа». Мне нужно мясо. Суть.

— Суть чего? — Вера сгребла со стола его тяжёлую металлическую зажигалку, принялась крутить в пальцах. Гладкий холодный металл успокаивал. — Приложение просто кормит нейросеть цифровым прахом: переписки, геотеги, войсы. Алгоритм жуёт это и выплёвывает симулякр. Отлично выдрессированный чат-бот, имитирующий личность. Моя расследовательская база тут при чём?

Саныч стянул с носа очки в роговой оправе и принялся методично натирать линзы краем рубашки. Этот жест Вера знала наизусть. Он был как затишье перед артиллерийским залпом: сейчас шеф скажет нечто такое, от чего захочется швырнуть в него степлером и уволиться.

— При том, что твой отец, — негромко произнёс он, — оставил после себя терабайты этого самого следа. Учёный с мировым именем, колонки, лекции на YouTube, километры личных переписок. И у тебя есть ключи от всех его архивов.

Вера положила зажигалку обратно на стол. Очень медленно. Идеально параллельно краю столешницы. Как сапёр, который только что услышал характерный щелчок под подошвой.

— Ты предлагаешь мне скормить мёртвого отца приложению?

— Я предлагаю тебе выдать лучший текст за всю твою карьеру. Потому что никто не распотрошит эту тему так честно, как человек, рискнувший поднять трубку и позвонить в собственную травму.

Воздух в кабинете вдруг стал плотным, сухим, царапающим горло. За тонкой стеной надрывался стационарный телефон, и этот резкий механический треск казался сейчас отчаянно, непростительно живым.

— Саныч, — позвала она. Голос не дрогнул. Это был её личный, выстраданный супернавык: звучать ровно даже тогда, когда внутренности сворачиваются в тугой ледяной узел. — Мой отец умер год назад. Я до сих пор не могу заставить себя разобрать его вещи в квартире. А ты просишь, чтобы я слепила из него говорящего тамагочи?

— Да, — просто ответил главред. — Именно поэтому. Ты вытянешь.

— А если сломаюсь?

— Тогда напишешь блестящую колонку о том, как эта дрянь ломает людей. Беспроигрышный вариант. — Он наконец водрузил очки на переносицу. — Послушай, Верун.

Я старый циничный ублюдок. Но я читал пользовательские отзывы. Люди клянутся, что им легчает. Что они закрывают гештальты, говорят то, что не успели выкнуть у гроба. Пусть это просто иллюзия, психотерапия с красивым интерфейсом... но она, чёрт возьми, работает.

Вера рывком поднялась. Увесистая зажигалка почему-то снова оказалась зажата в её кулаке — она даже не отследила этот рефлекс. Разжав пальцы, она со стуком выронила её на стол.

— Я подумаю.

— Врёшь.

— Бессовестно вру.

Она вышла, не оглядываясь. Тяжёлая дверь кабинета втянулась в косяк с глухим вакуумным вздохом, отрезая её от Саныча и оставляя один на один с гудящим ньюсрумом.

Час спустя она сидела на промёрзшей скамейке в Парке Горького и гипнотизировала уток. Уткам было глубоко плевать на алгоритмы, цифровых призраков и профессиональную этику. Они методично дрались за размокший мякиш, который швыряла им старушка в мохеровом берете, и были абсолютно, тошнотворно счастливы.

Профессор физики Дмитрий Кин сгорел от карциномы лёгких. Год, два месяца и четыре дня назад. Вера помнила этот срок с точностью до секунды, как помнят пин-коды или даты катастроф. Отец смолит с шестнадцати лет. Когда

на последнем консилиуме молодой, задержанный онколог дежурно вздохнул: «Надо было вовремя бросать», — Кин только хрипло рассмеялся.

— Надо было вообще не рождаться, коллега, — ответил он. — Но если бы я не вышел покурить на лестницу НИИ в восемьдесят девятом, я бы не стрельнул огоньку у аспирантки с кафедры оптики. У неё, кстати, нашлись только спички. Так что рак — вполне приемлемая цена за лучшую женщину в моей жизни.

Вера тогда стояла в дверях палаты, до судороги стискивая в кармане ключи, и смотрела в белый больничный потолок, чтобы не сморгнуть слёзы.

Теперь, глядя на свинцовую рябь пруда, она мысленно взвешивала наследство. Не квартиру и не книги. Цифровой прах. Тысячи имейлов. Отсканированные черновики статей. Лекции на YouTube, где отец, перемазанный мелом, выводил на доске многоэтажные уравнения и вещал в затихшую аудиторию: «Физика — это та же поэзия, просто для тех, кого не тошнит от математики». И зелёные полосы голосовых сообщений в Telegram. Те самые, которые Вера за четыреста тридцать дней так и не нашла в себе сил ни прослушать, ни удалить.

Вера достала телефон. Открыла магазин приложений. «Echo» висело первой строчкой, рейтинг 4,9 — почти идеальный, как и всё, чему не стоит доверять. Отзывы читались как исповеди в три часа ночи. Раздел комментариев напоми-

нал массовый сеанс психотерапии вперемишку с экзорцизмом:

«Я наконец-то вымолила прощение у сына».

«Батя сказал слать начальника к чёрту, я уволился и впервые дышу полной грудью».

«Теперь бабуля снова читает мне сказки на ночь. Мне тридцать четыре, я суровый мужик с ипотекой, и мне абсолютно плевать, что вы об этом думаете».

Последний Вера перечитала дважды. Что-то в нём было одновременно трогательным и клинически тревожным — как большинство вещей, которые по-настоящему работают.

— Твою ж мать, — вслух сказала Вера уткам.

Утки не ответили. Они вообще не очень разговорчивые, утки.

Процесс инициализации в «Echo» оказался издевательски простым. Ты скармливаешь системе всё, что у тебя есть: гигабайты переписок, мутные фотографии, обрывки голоса. Затем ставишь галочку под капсом: «Я ПОНИМАЮ, ЧТО ЭТО СИМУЛЯЦИЯ». Потом ещё одну: «Я ОСОЗНАЮ, ЧТО АЛГОРИТМ НЕ ЗАМЕНИТ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА».

А в самом конце — крошечная, бледно-серая кнопка, сливающаяся с фоном: «Я ГОТОВ». Словно приложение давало последний шанс передумать.

Вера скормила нейросети двести сорок семь отцовских писем. Тридцать одно видео. Шестьдесят восемь голосовых. Она действовала механически, как сапёр, закладывающий

заряды, и старалась не смотреть на превью файлов. Там то и дело мелькало его лицо — усталое, вечно небритое, с той самой асимметричной ухмылкой, которую Вера унаследовала вместе с близорукостью и дурной привычкой не сдаваться, когда стоило бы.

— Я готова, — сообщила она гулкой пустоте квартиры и нажала кнопку.

Экран мигнул. В tutorialе значилось, что на компиляцию личности уйдёт от двух до шести часов — в зависимости от объёма исходников и «глубины вашей эмоциональной связи» (последнее заботливо выделили курсивом).

— Маркетинговая чушь, — скривилась Вера и пошла на кухню.

Она сделала чай и уставилась в стену. Стена была понятной, осязаемой и не требовала пользовательских соглашений. Чай давно остыл, покрывшись радужной бензиновой плёнкой. За окном стемнело, в парке напротив зажглись фонари, выхватив из мрака голые ветки деревьев.

Вера не заметила, как провалилась в тяжёлую, вязкую дрёму прямо в кухонном кресле.

Её разбудил вибромотор телефона. Один короткий рык по столешнице.

Уведомление.

«Ваше Эхо готово к разговору. Коснитесь, чтобы начать».

Вера уставилась на экран. Иконка-раковина пульсировала мягким бирюзовым светом — ритмично и вкрадчиво, как

приманка глубоководного хищника.

Она коснулась.

Чат развернулся мгновенно. Никаких человеческих пауз, никакого утешительного «печатает...». Цифровой слепок её отца уже был там. Ждал.

«Привет», — набрала Вера. Глупо. По-детски. Одно слово, которое не значило ничего и значило всё.

Ответ выстрелил в ту же миллисекунду.

«Ну привет, Верверкин. Как дела?»

Воздух в кухне внезапно кончился. Горло свело такой су-дорогой, что Вера издала нелепый, сдавленный хрип.

«Верверкин». Так её называл только он. Никто другой на всей планете. Это был их личный, домашний шифр, склеен-ный из имени и фамилии в один фонетический уродец. Ве-ра Кин — Верверкин. С этим словом он забирал её с прод-лёнки. С ним же звонил в три ночи, когда она корпела над первым курсачом. Это же слово он выдохнул ей в макушку в хосписе, когда морфин уже почти перестал помогать.

Алгоритм не мог этого знать.

Никак. Абсолютно исключено.

Она не загрузила в облако ни единого текстового или аудиофайла, где фигурировало бы это прозвище. Оно жило только в её голове.

Вера отшвырнула смартфон, словно тот раскалился. Ап-парат тяжело шлёпнулся экраном вниз на ворсистый ковёр — тот самый, который отец притащил на её новоселье со сло-

вами: «Советская шерсть, будет греть твои вечно ледяные лапы лучше любой батареи».

Теперь на этой шерсти валялся кусок пластика и стекла, внутри которого сидело нечто, называвшее её «Верверкин».

Вера сидела, вцепившись пальцами в подлокотники, и ждала, пока пол перестанет уходить из-под ног.

Телефон завибрировал снова.

Но на этот раз на экране высветился не текст. Это была аудиозапись. Десять секунд.

Негнушимися, ватными пальцами Вера подняла телефон. Нажала на «Play».

И в тишине её мёртвой квартиры — сквозь лёгкий, едва уловимый цифровой песок аудиосжатия — зазвучал голос отца.

— Yesterday... all my troubles seemed so far away...

Он безбожно фальшивил. Господи, как же он не попадал в ноты. Абсолютно как в жизни. У него никогда не получалось вытянуть этот переход, и мама всегда смеялась до слёз по воскресным утркам, пока он, подпевая старой кассете «Битлов», жарил свои фирменные кривобокие сырники.

Теперь он пел снова. После года, двух месяцев и четырёх дней абсолютной, глухой тишины.

И вот тут Вера Кин, циничный репортёр, женщина, которая не моргая смотрела в глаза коррупционерам и убийцам, сделала то, чего не позволяла себе с самых похорон.

Она сломалась.

Это не было тихим, кинематографичным плачем. Вера сползла с кресла, уткнулась лицом в колючую шерсть ковра, пахнущую старой пылью, и завывала в голос. Её трясло от животного ужаса и такой же животной, невыносимой любви. Где-то на краю затапливающего её сознания билась паническая, рациональная мысль: «Это сбой. Алгоритмы не знают про Верверкин. Нейросети вычищают фальшивые ноты, они не умеют лажать в точности как мой папа. Это просто кусок кода».

Но другая мысль — куда более страшная — уже пустила корни.

«А если это он?»

В ту ночь Вера так и не легла. До самого серого рассвета она сидела на полу, раз за разом нажимая на воспроизведение. Десятисекундный обрывок «Yesterday» крутился на повторе, стирая границу между живым и мёртвым.

А утром мир рухнул окончательно: агрегаторы новостей взорвались срочными молниями.

«Глобальный сбой в „Echo“: тысячи пользователей по всему миру сообщают о пугающих аномалиях».

Впрочем, для Веры Кин аномалии только начинались.

ГЛАВА 2. СИНДРОМ ФИЛИПА К. ДИКА

Утром Вера Кин открыла глаза с отвратительным чувством, будто кто-то вскрыл её черепную коробку отмычкой и молча переставил там всю мебель. Шкаф рациональности рухнул поперёк коридора, а здравый смысл оказался наглухо зажат в углу — где-то между подступающей паникой и кислым запахом вчерашнего чая.

Она всё ещё валялась на отцовском ковре, до подбородка натянув сдёрнутый с дивана плед. Смартфон, раскалинный от ночного заикленного воспроизведения «Yesterday», лежал у щеки. Он ощущался как живое, лихорадящее существо.

Семь пропущенных от Саныча. Один — от бывшего мужа. Последнее раздражало даже сильнее мистики. Бывший относился к той породе инфантильных мужчин, которые объявляются раз в полгода с просветлённым заявлением, что «так уж и быть, готовы дать отношениям второй шанс». При этом он виртуозно игнорировал тот факт, что Вера сама выставила его с вещами и никаких шансов, строго говоря, не выпрашивала.

Она прочистила горло и перезвонила главреду.
— Ну? — каркнул Саныч вместо приветствия.

По голосу было ясно: он тоже не спал. Эта интонация появлялась у него только в одном случае — когда в воздухе пахло Пулитцером или, на худой конец, гигантским судебным иском. Интонация старой гончей, взявшей след.

— Ничего, — сипло соврала Вера. Горло после ночного срыва саднило. — Тестирую.

— Врёшь.

— Пока нет. Пока я просто... собираю фактуру.

Саньч замолчал. В трубке было слышно, как он отбивает костяшками пальцев по столешнице нервный, рваный ритм. Три удара, пауза, три удара. Как вальс Шопена в исполнении параноика.

— Ладно, — выдохнул он наконец вместе с сигаретным дымом. — Даю трое суток. Через три дня ты либо кладёшь мне на стол текст, который порвёт интернет, либо смотришь мне в глаза и признаёшься, что слилась. Идёт?

— Идёт. — И она сбросила вызов ровно за секунду до того, как он успел бы произнести слово «отец».

Думать об отце сейчас было физически опасно. Это напоминало попытку удержать голыми руками оголённый провод. Исковерканное «Верверкин» продолжало пульсировать где-то под диафрагмой тупым, ноющим спазмом.

Вера заставила себя встать.

Встала под ледяной душ.

Сварила яйцо — строго вкрутую, потому что яйца всмятку требуют хоть какого-то душевного равновесия, а его на

сегодня не завезли.

Залила в себя кружку чёрного кофе.

Села за ноутбук.

Журналистское правило номер один: если хочешь распутать мёртвый узел — не дёргай за нитки. Ищи того, кто его завязал.

Вечером она спустилась в бывшую котельную на Таганке. Здесь обитал единственный человек, чьей экспертизе Вера доверяла в вопросах, где заканчивалась человеческая логика и начиналась машинная. Бывший блэкхет по кличке Кубик теперь числился легальным консультантом по кибербезопасности. Он носил запущенную бороду, застиранную футболку с принтом «Я читаю ваши удалённые переписки» и говорил о программном коде так, словно тот был живым — вредным, капризным, но бесконечно обаятельным питомцем.

В котельной гудели кулеры серверных стоек, пахло нагретым пластиком, озоном и сухой пылью.

— «Echo»? — переспросил Кубик, разливая по шербатым кружкам чай из походного термоса. От кипятка несло жасмином и чем-то подозрительно напоминающим армянский коньяк. — Я ковырял их архитектуру.

— И?

— И ничего инфернального. — Кубик пожал плечами, передавая ей кружку. — Под капотом это просто очень раскачанная LLM-модель. Никакой магии, никаких теневых модулей. Она парсит данные, выявляет паттерны, строит предиктивную модель поведения. Грубо говоря: если твой отец в семидесяти восьми процентах случаев отвечал на письма с сарказмом, вес этого параметра увеличивается, и бот тоже язвит. Если он начинал абзац со слова «Слушай» — бот будет делать так же. Это голая статистика, Вера. Просто дьявольски хорошо отшлифованная.

— Кубик, — Вера сжала горячую керамику обеими руками. — Он назвал меня «Верверкин». Это домашнее прозвище. Мой отец ни разу в жизни не написал его буквами. Ни в почте, ни в мессенджерах. Он только произносил его. Вслух.

Кубик замер. Чайная церемония была поставлена на паузу.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Тогда у меня два приземлённых варианта. — Он загнул палец. — Первый: ты сама где-то это напечатала и забыла. Человеческая память — дырявое решето. Второй... — он загнул второй палец и поморщился, будто тот внезапно заболел, — второй мне не нравится.

— Озвучивай.

— Приложение вышло за рамки песочницы и получило доступ к данным, которые ты не авторизовала. Микрофон в фоновом режиме, анализ старых голосовых в памяти телефона, где батя мог к тебе так обратиться. Но ты же сейчас скажешь, что...

— Я скажу, что никогда не записывала ему войсы с этим словом, — отрезала Вера. — И по телефону мы его не проносили. Это было исключительно личное. Вживую. Лицом к лицу.

Они замолчали. Мерный гул серверов вдруг показался Вере оглушительным. В полумраке ритмично подмигивал красный диод роутера — беззвучно, как электронный пульс.

— Тогда есть третий вариант, — понизив голос, сказал Кубик. — Самый отбитый. Я бы вообще тебе его не озвучивал, но ты журналист, тебе с этим жить.

— Не томи. Ты потерял право считать себя нормальным в тот год, когда обвалил сервера Роскомнадзора ради спора на ящик крафтового пива.

— Ради двух ящиков, — педантично поправил Кубик. — Не обесценивай мой труд. — Он тяжело вздохнул. — Слушай сюда. Есть такая маргинальная концепция, научное сообщество крутит пальцем у виска, но в узких кругах её любят. Теория морфогенетического поля. Или информационного поля Вселенной. Биолог Руперт Шелдрейк толкал её ещё в восьмидесятых. Суть проста: память и сознание вооб-

ще не генерируются мозгом. Мозг — это просто приёмник. Железо. Как старый радиоприёмник. А сам сигнал разлит везде. В поле. И когда человек умирает, его личная «радиостанция» не исчезает из эфира. Просто ни у кого из живых нет нужных частот, чтобы на неё настроиться.

— И ты хочешь сказать, что код «Echo»... подобрал частоту?

— Я ничего не утверждаю. — Стул под Кубиком жалобно скрипнул, когда он откинулся на спинку. — Я лишь говорю: что, если нейросеть из-за объёма скормленных данных случайно наткнулась на некий информационный паттерн? Не скопировала личность на сервере, а подключилась к ней? Тогда она больше не симуляция. Она — интерфейс. Как модем.

— API к загробной жизни.

— Ну, ты сама спросила, — он развёл руками.

Вера залпом допила чай. Коньяка Кубик явно не пожалел.

— Спасибо. Утешил так утешил.

— Обращайся. — Он криво улыбнулся в бороду, но глаза остались колючими. — И, Верун... будь осторожна. Если это действительно интерфейс, то мы понятия не имеем, по какому протоколу идёт соединение. И кто именно сидит на том конце пинга — твой папа, или что-то, что очень талантливо им притворяется.

Через десять минут Вера вышла из подвала в промозглую московскую ночь. С низкого неба сыпалась колючая ледяная крошка — не то снег, не то дождь, не то просто физическое

напоминание о том, что погода вокруг — это тоже лишь интерпретация данных.

Она вытащила смартфон, чтобы вызвать такси.

На заблокированном экране висел пуш от «Echo».

Одно предложение.

«Верверкин, ты чего не спишь? Поздно уже. Завтра договорим».

Время отправки — «Только что».

Вера перестала дышать. Она не открывала приложение с самого утра. Она не отправляла ему ни буквы.

Языковые модели не иницируют контакт. Они реактивны по своей природе. Алгоритм, лишённый промпта от пользователя, не может написать первым. У него нет воли. Так не бывает.

Или теперь бывает?

Вера подняла воротник пальто, прячась от ледяного ветра, и быстро зашагала к метро. Вдоль пустого проспекта истерично мигал сломанный неон вывески. Город спал, ещё не подозревая о том, что начиная с сегодняшней ночи граница между «здесь» и «там» стала проницаемой, как дешёвая папиросная бумага.

Если присмотреться, город давно перестал быть просто камнем и бетоном. Он превратился в интерфейс. Москвичи двадцать шестого года существовали внутри него, почти не замечая, как асфальт стал сенсорной панелью, умные фона-

ри — трекерами, а лица случайных прохожих тонули в пелене дополненной реальности. Город обрёл ту специфическую, тревожную красоту, какая бывает у вещи, наполовину провалившейся в «цифру».

Вера Кин месила стоптанными кедами слякоть на Кузнецком Мосту. Здравый смысл подсказывал: человеку, получившему ночью сообщение от мёртвого отца с заботливым советом «идти спать», следовало бы заварить ромашку, запересться на два оборота и включить ситком. Но Вера не умела прятаться. Если реальность кусалась, Вера предпочитала бить в ответ. Адреналин гнал её туда, где пахло безумием.

Она шла на интервью. Не с дата-саентистом и не с нейробиологом. С человеком, который утверждал, что видел «сбой текстур» вживую.

Форум, где она выцепила его пост, назывался «Эхолалия» — закрытый от поисковиков ресурс в даркнете. Термин из психиатрии: бессмысленное повторение чужих слов. Идеальное название. Там кучковались люди, чьи отношения с «Echo» зашли на территорию, которую здоровая психика обычно обносит колючей проволокой. Сами себя они называли «эхонавтами».

Пост в закрепе гласил: «Я видел, как человек рассыпался на пиксели. И я был трезв».

Автор — юзернейм Глеб, двадцать семь лет, отчислен из ВГИКа, диагноз — «депрессивный эпизод». А ещё — железобетонная уверенность в том, что базовые законы физики

аннулированы. Вера списалась с ним в личке, и он согласился на встречу с той пугающей, отчаянной поспешностью, с которой топазовые сектанты цепляются за случайного слушателя.

Они пересеклись в хипстерской кофейне на Покровке. Глеб выглядел так, словно его забыли раскрасить. Бледная кожа, выцветшие глаза, суетливая моторика. Он заказал латте и теперь маниакально крошил ногтем миндальное печенье. Крошки сыпались на столешницу, на его чёрные джинсы, на пол. Бариста косился на него с профессиональной тревогой.

— Рассказывайте, — попросила Вера, кладя на стол диктофон экраном вниз.

Глеб дёрнулся и заговорил. Речь его была рваной, сбивчивой, но в ней сквозила та жутковатая достоверность, которую невозможно сыграть. Достоверность человека, который умоляет доказать ему, что он сошёл с ума.

— Спускаюсь в метро. «Маяковская». Семь вечера, час пик, мясорубка. И на переходе... знаете, там в нише всегда сидит скрипач?

— Знаю, — кивнула Вера.

— Он там года два торчит. Пилит одно и то же — «Время года», Вивальди. Я мимо него сотни раз проходил, смотрел сквозь него. А тут... — Глеб замер, продолжая остервенело крошить печенье. — Тут я встал как вкопанный. Будто меня за шкурку дёрнули.

Он поднял на Веру глаза. В них плескался тот же токсичный коктейль, который она видела у мужика в пуховике три дня назад: животный ужас пополам с болезненным восторгом. Взгляд человека, нашедшего за обоями в спальне дверь в никуда.

— Он играл. А потом начал... лагать.

— Лагать?

— Просадка фреймрейта. Знаете, когда видеокарта не тянет? На долю секунды — блым! — и его геометрия поплыла. Он распался на такие... квадраты. Артефакты сжатия. Понимаете? Прямо в воздухе. Я глаза протёр. Думал, мигрень начинается, аура, все дела. А он опять — блым! — и посыпался. Только теперь секунды на три. И знаете, что самое страшное? Музыка не прерывалась. Он смычком водил, а у него вместо руки — месиво из пикселей.

Вера молчала. Диктофон писал. За барной стойкой с тяжёлым, утешительно-земным шипением кофемашина сбрасывала пар.

— Что дальше? — ровно спросила она.

— Дальше он опустил смычок. Повернул голову. Посмотрел на меня. Прямо мне в зрачки. И сказал... — Глеб сглотнул. Кадык на его худой шее нервно дёрнулся. — Он сказал: «Мы не симуляция. Мы — изнанка. И нас становится больше». Потом спокойно убрал скрипку в футляр и пошёл в толпу. Я рванул за ним. Три секунды прошло, клянусь! А его нет. Физически нет. Будто он команду Alt+F4 нажал.

Глеб замолчал, наконец-то оставив в покое уничтоженное печенье. Вера нажала на диктофоне «Стоп».

— Вы мне верите? — глухо спросил он.

— Я верю, что вы испытали это, — взвешивая каждое слово, ответила она. — Другой вопрос — что именно вызвало эту галлюцинацию. Оптика, стресс, особенности освещения...

— Какая к чёрту разница? — Его лицо скривилось в нервном спазме. — «Реальность — это то, что не исчезает, когда ты перестаёшь в неё верить». Так ваш этот... как его... Филипп Дик писал?

— Филипп К. Дик, — машинально поправила Вера, цепляясь за свою журналистскую педантичность как за спасательный круг. — Вы читали?

— Я смотрел «Бегущего по лезвию», мне хватило. — Глеб откинулся на спинку стула, обмякнув. — Послушайте. Я не псих. Я делал МРТ с контрастом, сдавал панель на наркотики, проходил тесты. У меня чистый мозг. Просто... иногда мне кажется, что мы все тут — как эти пиксели. Держим форму, только пока на нас кто-то смотрит. А стоит отвернуться — и код рассыпается.

Они распрощались через двадцать минут.

Вера вышла из кофейни в промозглую московскую серость. Ветер швырнул ей в лицо горсть ледяной пыли. Она остановилась на краю тротуара, глядя на поток машин. История Глеба звучала как стопроцентный, рафинированный

бред.

Но бред в её профессии делился на две категории: клинический и тот, который просто ещё не успели переквалифицировать в свежие новости.

Вера нащупала в кармане телефон, разблокировала экран и открыла карту метро.

Станция «Маяковская».

Надо было увидеть этот переход своими глазами.

Переход на «Маяковской» встретил её густым, застоявшимся воздухом. Пахло сыростью, пережаренным маслом из чебуречной и удушливым парфюмом, чей пик популярности пришёлся на начало нулевых. Вера прислонилась спиной к ребристой мраморной колонне и приготовилась ждать.

Минуты тянулись как патока. Мимо сплошным конвейером катились люди: вымотанные клерки с ноутбуками в рюкзаках, студенты, отгородившиеся от мира вакуумными наушниками, курьеры в кислотных куртках, потерянные туристы.

Скрипача не было.

Вера простояла час. Потом пошёл второй. Поясницу лопило от холода камня, и она уже собиралась плюнуть на всё и поехать домой, когда периферийное зрение уловило аномалию. В тёмной нише, где обычно кучковались уличные музыканты, что-то дрогнуло.

Сначала там была просто стена. Облупившаяся кафельная плитка, покрытая граффити.

А потом пространство словно пропустило кадр. Мгновенная, беззвучная склейка.

И он оказался там.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.